МОЛОДОЙ СТАЛИНЕЦ
г. Тбилиси
9 АВГ 1956

На спектаклях наших гостей

КОГДА НА СЦЕНЕ КУКЛЫ...

Много работ написано о кукольном театре, среди них есть и обстоятельные книги, и журнально-газетные статьи, и небольшие заметки. Но, пожалуй, нигде так четко и ясно не сформулированы роль и назначение кукольного театра, как в замечательно простых, идущих от сердца словах С. В. Образцова — руководителя лучшего в мире кукольного театра: «Если на маленькие кукольные плечи нельзя положить ту же почетную ношу, ту же обязанность быть действительно нужным людям, какая лежит на плечах «большого искусства», тогда я не хочу ни писать о куклах, ни заниматься этим искусством, потому что в таком случае оно превращается либо в случайную «детскую забаву», либо в эстетское оригинальничание взрослых»*).

В словах С. Образцова звучит и утверждение, и, в известном смысле, вопрос. И если на этот вопрос потребуется дать ответ, то, пожалуй, самым обоснованным и веским ответом послужит зрительское восприятие театра, зрительское отношение к нему — любовное, серьезное, не эстетское, не снисходительное. Театр Образцова посещается одинаково и стариками, и юношами, и детьми. Его любит самый разнообразный зритель — рабочий и инженер, ученый и школьник, летчик и врач, военный и колхозник. И когда сам С. Образцов, желая подчеркнуть разницу двух существующих видов театра, приобегает в своих работах к термину театр «человеческий» и театр «кукольный», он не желает тем самым подчеркнуть их абсолютную противоположность. С. Образцов имеет в виду лишь видовое различие названных театров, различие в условиях работы, технической базе и, если угодно, в способе выражения содержания. Во всем же остальном — в жанровом, идейном отношении, в самом методе режиссерского и актерского создания характеров - образов — театры эти не только не отличаются друг от друга, а, напротив, схожи. Ведь С. Образцов в своей творческой работе с куклами в конечном счете стремится к «человеческим» куклам, к куклам жизненным, реальным, эмоционально выразительным и предельно заразительным. Эту человечность образцовского кукольного театра характеризует не только метод работы режиссера с актером - человеком и актером - куклой, но и репертуар театра.

Возникает вопрос: есть ли, должен ли существовать специально кукольный репертуар? И да, и нет, в зависимости от того, что понимать под специально кукольным репертуаром. Безусловно хорошо, когда пьеса пишется специально для данного театра, когда драматург знает, для кого он пишет, кто будет ставить и играть его пьесу. Но плохо, когда в пьесах, написанных для кукольного театра, ощущается известная «облегченность» и даже упрощенность, когда драматург идет не от жизни, а от схемы, когда он старается «снизить» значимость происходящих событий, точно опасаясь, что «на маленькие кукольные плечи» нельзя положить ту же почетную ношу, ту же обязанность быть действительно нужным людям, какая лежит на плечах «большого искусства».

В Центральном театре кукол мы смотрели немало спектаклей. В нынешний его приезд в Тбилиси посмотрели три: «Под шорох твоих ресниц», «Необыкновенный концерт» и «Дело о разводе».

Смелый, яркий, публицистический спектакль «Под шорох твоих ресниц» (автор Е. Сперанский, постановщик С. Образцов, художник В. Андриевич) проникнут страстным, разоблачающим сегодняшнюю Америку пафосом. Это едкая сатира на Голливуд, на голливудских гангстеров. Это в то же время горячая, активная защита судьбы искусства в капиталистической стране. Отрицательное, доведенное до карикатуры, показанное через увеличительное стекло, взволнованно вещает об участи людей, потерявших человеческий облик,—в одном случае, обреченных на бесправие и произвол — в другом. В спектакле созданы замечательные образы ассистента режиссера Мауа (заслуженный артист РСФСР Е. Сперанский), режиссера Фокса (арт. В. Майзель), Эллен Лей (арт. Г. Милова), мисс Бокнот (арт. С. Черноволенко), пенинцы Сэрвы (арт. Е. Синельникова), Хеппи Вонд (арт. Е. Синельникова) и др.

Остроумный, тонкий и колкий юмор пронизывает спектакль «Необыкновенный концерт» (текст С. Образцова, А. Бонди, З. Гердт, постановка С. Образцова, художники В. Андриевич и В. Терехова). В нем во всех подробностях «и даже с прибавлением», вполне дозволенным жанром сатиры, показаны злостатки нашего эстрадного искусства. Автор и режиссер не боялись гротеска, потому что тематически он был вполне конкрет, и нужно было лишь обладать темпераментом художника, чтобы не переборщить не стать назойливым, не превратить смешное в самоцель. Эту простую истину хошо уяснили не только автор, работавший над текстом, не только режиссер и художник, замыслившие образы кукол, но актерский коллектив, невидимый зрителю усилиями которого созданы такие замечательные образы, как юное дарование (заслуженная артистка РСФСР Е. Успенская), аккомпаниатор (арт. П. Мелиссарат бас (арт. Н. Алексахин), колоратурное сопрано (арт. В. Бальде), дрессировщицы (арт. С. Черноволенко), поэт (арт. В. Попрыкин). Превосходно исполнены цыганские песни и пляски (арт. В. Майзель, О. Тарасова, В. Жукова, А. Сироткина, Н. Алексахин, В. Попрыкин, Н. Гжельский, П. Мелиссарато), чечетка (арт. В. Вальтер, Е. Синельникова, В. Жукова, О. Горелова), танго (арт. О. Тарасова, В. Жукова, В. Попрыкин).

Оба спектакля при всей преувеличенности в них комедийных ситуаций и отрицательных черт героев отмечаются подлинной реалистичностью, неподдельной искренностью. В них есть главное: отношение творческого коллектива (а вслед за ним и зрителя как активного участника спектакля) к происходящим событиям не как к «детской забаве» или эстетскому оригинальничанию взрослых, а как к злободневному, действенному, в основе своей жизненному материалу, способному по-настоящему взволновать, заставить задуматься. В обеих пьесах, а следовательно, и в спектаклях, четко выражена основная авторская и режиссерская мысль. Мы видим и понимаем, для чего поставлены «Под шорох твоих ресниц» и «Необыкновенный концерт». Недомолвок, неясностей не возникает.

К сожалению, того же нельзя сказать о пьесе Е. Сперанского «Дело о разводе». Это — комедия-шутка. Только так ее и воспринимаешь. Но даже, несмотря на подобную оговорку, на протяжении всего спектакля зрителя не покидает чувство неудовлетворенности драматургическим материалом, который доведен автором до крайнего схематизма и примитивизма. Пьеса рассказывает о простых советских людях, о том, как иногда простая неосмотрительность или нелепая случайность может повлиять на совместную жизнь людей и даже расстроить ее. В пьесе делается робкая попытка осудить мещанство и некоторые другие пороки наших современников. Но эти осуждающие мотивы выступают в пьесе вне всякой взаимосвязи. Более того: основная мысль пьесы так и остается неясной. Что же, собственно, хотел сказать драматург? И какой вывод надо сделать зрителю из увиденного и услышанного?

В спектакле есть интересные режиссерские находки (постановщик С. Образцов), эффектно поставленные сцены (карусель, качели-лодки в финале). Но иногда отдельные, удачно найденные детали и куски благодаря рыхлости драматургического материала остаются вне всякой связи с основной темой пьесы. Такова, например, сцена в участковом отделении милиции — остро комедийный эпизод-диалог между начальником милиции (арт. И. Кудрявцев) и женщиной с двумя детьми (арт. И. Мазинг, А. Сироткина), не имеющий никакого отношения к развитию сюжета.

В спектакле «Дело о разводе» есть интересные и запоминающиеся образы кукол. Хорошее впечатление оставляют образы супругов Ломбардянц (арт. И. Мазинг и Г. Синельников); супругов Аместистовых (заслуженная артистка РСФСР Е. Успенская и арт. В. Майзель), персонаж Инкогнито (арт. Н. Гжельский). Кстати, назначение этого Инкогнито в пьесе также непонятно. Искренними и простодушными предстают в спектакле Вася Варашкин (арт. И. Кудрявцев) и Оленька (арт. В. Бальде).

Несколько слабее представлены так называемые главные герои — супружеская пара Томилиных — Петр (арт. В. Вальтер) и Тамара (арт. Г. Милова). В особенности неудачно исполнена сама кукла, изображающая Петра Томилина.

И возвращаясь к поставленному выше вопросу — нужна ли куклам своя собственная драматургия, ответим так: нужна, если она несет определенную мысль, если она основывается на жизненных обстоятельствах, если ее герои, пусть даже представленные в гротескном, шаржированном виде, олицетворяют типические черты того или иного явления; и не нужна, если она отклоняется от законов «большого искусства» и ищет путь «облегченный», нарочито наивный, «игрушечный». Мы воспринимаем образцовских кукол как живых. Поэтому и предъявляем к театру большие требования. И если мы позволяем себе высказать строгое суждение об искусстве этого поистине замечательного театра, то только потому, что образцовские куклы сами нас к тому приучили.

Э. ГУГУШВИЛИ,
кандидат искусствоведения.

* * *

На снимках: слева—артистка О. Тарасова с куклой, играющей в спектакле «Дело о разводе» Оленьку; справа—заслуженный артист РСФСР Е. Сперанский с куклой, изображающей Мауса в спектакле «Под шорох твоих ресниц».

Фото В. Тархова.

* С. Образцов. «Моя профессия», изд. «Искусство», М. 1950, стр. 6.